

Три венгерских брата продолжают свою жизнь в литературе: в повести Н. С. Плотникова (Фуделя) «Георгий Угрин»⁵³ братьям Георгия даны и характеры, и мирские имена — Иларию и Анфиму. Ефрем Новоторжский, наравне с одним из своих исследователей, стал героем отмеченного литературными премиями романа П. М. Алешковского «Крепость».⁵⁴ Подобная сюжетопорождающая способность Жития также может свидетельствовать о его литературных достоинствах, о явленной в нем задаче поиска и осмысления собственной истории.

Исследования Новоторжской археологической экспедиции показывают древность Борисоглебского монастыря: по заключению П. Д. Малыгина, об этом говорит его близость к кремлю, мощный культурный слой, находки раннегонимой керамики, отсутствие в округе языческих могильников XI–XII веков.⁵⁵ Среди берестяных грамот Торжка XII века сохранились даже литературные тексты.⁵⁶ Плинфа древнего монастырского собора датируется археологами концом XII — началом XIII века,⁵⁷ фрагменты фресок могут быть отнесены к началу XIII века.⁵⁸ К сожалению, подлинная история основателя Борисоглебского монастыря утрачена, как и древний каменный храм. Остается только догадываться, насколько предание, запечатленное в Житии, сохранило связь с действительной историей преподобного Ефрема.

⁵³ Плотников (Фудель) Н. С. Георгий Угрин: Повесть. М., 2000.

⁵⁴ Алешковский П. М. Крепость: Роман. М., 2015.

⁵⁵ Малыгин П. Д. К топографии Торжка XII–XIII вв. С. 39.

⁵⁶ Янин В. Л., Зализняк А. А., Малыгин П. Д. Берестяные грамоты из новгородских и новоторжских раскопок 2001 г. // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 3–11.

⁵⁷ Малыгин П. Д., Салимов А. М., Зайцев А. А. К изучению плинфы собора Борисоглебского монастыря в Торжке // Архитектурно-археологический семинар: Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы. СПб., 2003. С. 85–92.

⁵⁸ Салимов А. М. Древний собор Борисоглебского монастыря в Торжке. С. 49.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-95-106

© Е. Д. Кукушкина

ТЕМА ВОСПИТАНИЯ И ИЗОБРАЖЕНИЕ ДЕТЕЙ В ПРИТЧАХ А. П. СУМАРОВА

Интерес к детству как особому значимому этапу в жизни человека, признание за ним самостоятельной социальной и психологической ценности окончательно сформировались в России лишь в эпоху романтизма. До этого времени дети воспринимались как маленькие взрослые, что нашло отражение в детской одежде: детям шили такие же платья и костюмы, как и взрослым людям, но маленького размера. Нормы семейной жизни определялись религиозными правилами и ритуалами, восходящими еще к «Домострою», составленному в XVI веке. Основными требованиями по отношению к детям были строгость, ограничение свободы, а методом воздействия — нравоучения и наказания. Послушание проповедовалось как наиважнейшая добродетель. Не являясь социальным субъектом в представлении общества, дети не были и объектом для художественной литературы — ни как персонажи, ни как читатели. Единственным литературным жанром, обращенным не только к взрослым людям, но и к детям, всегда оставалась басня, имеющая большой воспитательный потенциал. Более 350 эзоповских басенных сюжетов стали известны на Руси благодаря переводам Федора Гозвинского с греческого языка (1607), Андрея Вениуса с немецкого (1674) и Петра Кашинского с польского (1675). Составив сборник басен Эзопа из двух немецких изданий и переведя их на русский язык, Вениус в предисловии к своей книге «Зрелище жития человеческого» писал, что сделал это «во общую пользу, наипаче же младым отроком,

иже во дверь сего многмятежного вступают жития, сия притчи в поучение и в употребление ко всяким случаям составих и, яко же на зрелищи, предложих...».¹ На протяжении почти всего XVIII века «Зрелище» распространялось в рукописях.² Широкий круг читателей обрел сборник прозаических басен английского писателя и журналиста Роже Летранжа (Л'Эстрейдж, 1616–1704) «Езоповы басни», переведенный на русский язык С. С. Волчковым в 1747 году. В XVIII веке он выдержал шесть изданий.

Жанр басни, вне зависимости от того, стихами или прозой были переложены сюжеты, обладал художественными особенностями, сохранявшимися на всем протяжении его существования. Индивидуальные черты персонажей изображались в баснях бегло, так как они были лишь носителями сюжетных функций, которые в подавляющем большинстве случаев поручались животным, значительно реже людям. Характеристика человеческих персонажей сводилась к обозначению рода их занятий: пастух, рыбак, охотник, крестьянин, мясник, и еще реже к указанию на возраст. Причем дети становились героями басен чрезвычайно редко. Для разъяснения аллегорического смысла басен, иногда непонятного детям, Летранж присоединил к каждой басне свои примечания, но они были чересчур пространными, иногда в несколько раз превышавшими тексты самих басен. В 1766 году басни Летранжа были изданы для детского употребления с сокращенными нравоучениями и без примечаний, рассеивающих внимание учеников.

Педагогические и философские трактаты западноевропейских ученых, появившиеся в России в 1760-е годы в русских переводах, привлекли внимание российского общества к детству как важному этапу формирования личности. Басня приобретает в это время, по мнению русских литераторов, особое воспитательное значение. Публикуя свои переводы басен Федра по типу учебной книги параллельно на латинском и русском языке, И. С. Барков писал в предисловии: «Дети предлагаемыми в баснях простыми примерами приучаются способнее к добродетели, нежели философским нравоучением».³

А. П. Сумароков предпочитал называть свои басни притчами, по аналогии с Евангельскими притчами, как серьезный жанр с учительным смыслом. В первом же номере своего журнала «Трудолюбивая пчела» он поместил статью «О пользе мифологии», характеризующую и его отношение к этому жанру, и автора статьи Г. В. Козицкого, который использовал более распространенный термин «басня»: «Как искусный и о здоровье ближнего своего пекущийся врач горькие, но спасительные лекарства растворяет в сахаре, так прозорливые Мифологии нравоучения для большей всем пользы под баснями скрывают». Опираясь на высказывания Платона и Горация, статья утверждала всеобщую и незыблемую пользу басни: «Нет ни единого похвального дела, ко исполнению которого не побуждали бы нас басни. Нет ни единого беззакония, от которого бы нас басни не отвращали».⁴

В 1762 году в типографии Академии наук были напечатаны «Притчи Александра Сумарокова» (книга 1 и 2, а в 1769 году — книга 3). Первую и вторую книги притчей Сумароков посвятил Великому князю Павлу Петровичу, в ту пору восьмилетнему мальчику. 17 апреля 1765 года С. А. Порошин, исполнявший обязанности «кавалера» (учителя) наследника престола и ежедневно фиксирующий его времяпрепровождение,

¹ Виниус А. А. Зрелище жития человеческого. В нем же изъявлены суть дивные беседы животных со истинными, к тому приличными, повестми в научение всякого чина и сана человеком. Ныне новопреведено с немецкого языка всем в общую пользу трудолюбием А. А. с. В. в царствующем великом граде Москве в лето от воплощения бога слова 1674 // Эзоп на Руси. Век XVII: Исследование, тексты, комментарии / [Очерк истории басни в России XVII века] Р. Б. Тарковский и Л. Р. Тарковская; [исследование и комм. Р. Б. Тарковского; подг. текста Р. Б. Тарковского и Л. Р. Тарковской]. СПб., 2005. С. 302.

² Тарковский Р. Б. «Зрелище жития человеческого» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1969. Т. 24. Литература и общественная мысль Древней Руси. С. 252–253.

³ Федра, Августова отпущенника, нравоучительные басни, с Езопова образца сочиненные, а с латинских российскими стихами переложенные ... Иваном Барковым. СПб., 1764. С. 3.

⁴ Трудолюбивая пчела. 1759. Январь. С. 28–31.

записал в своем дневнике: «Чтение и раздача Сумарокова притчей».⁵ В предуведомлении к дневнику, объясняя его необходимость, он писал: «Если в сих повседневных записках кому что маловажным покажется, тому я отвечаю, что иногда по видимому и не важные бы вещи лучше, нежели прямые дела, изображают нрав и склонности человеческие, особливо в нежной младости».⁶ Эта запись свидетельствует о знакомстве Порошина с переводной педагогической литературой. Теория о господствующем значении воспитания для формирования личности человека, изложенная в трактате английского философа и педагога Джона Локка «Мысли о воспитании» («Some Thoughts Concerning Education», 1693), уже в 1739 году легла в основу сатиры А. Д. Кантемира «О воспитании».⁷ Идеи Локка получили широкое распространение в России, а его книга в 1759 году была переведена на русский язык. Дж. Локк писал: «Самые малейшие и нечувствительнейшие впечатления в наших чувствах, получаемые во время нежнейшего младенчества, производят в нас следствия наиважнейшие и весьма долговременные. Сии впечатления подобны реке, которая течение можно разделить без дальнего труда на разные струи через места совсем противные, так что нечувствительным уклонением, получаемым при начале устья, вода приемлет различное течение и наконец заходит в места, весьма отдаленные друг от друга. Толь же легко, по моему мнению, можно обратить и разум младенческой, куда бы кто ни пожелал».⁸ Стали известны в России и другие педагогические сочинения. С. С. Волчков перевел труд аббата Ж.-Б. Бельгарда (Bellgarde Jean Baptiste Morvan de, 1647–1734) «Совершенное воспитание детей» (1747), посвященный воспитанию в дворянских семьях, и «Светскую школу» (1761) Э. Ленобля (Lenoble Eustache, 1643–1717). Но роман Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» («Emile, ou de L'Education», 1762), в котором три книги из пяти были посвящены Эмилю — ребенку — в 1763 году был запрещен к продаже в России. Многие мысли Руссо заимствовал у Локка, но по-своему их интерпретировал. Задачи и приемы воспитания, изложенные им, не соответствовали педагогическим установкам, принятым в русском обществе.⁹ В сокращенном виде пятая книга романа была переведена П. И. Страховым в 1779 году, уже после смерти Сумарокова.

Локк придавал большое значение личности воспитателя: «Главнейшая должность учителя научить ученика учтивым поступкам, исправить его разум, вперить добрые навыки, вдохнуть твердые основания добродетели и мудрости, научить нечувствительно познавать людей, преклонить к любви и подражанию того, что превосходно и достойно почитанию...».¹⁰ По его мнению, дети достойны доброжелательного отношения к тем потребностям, которыми природа наделила детский возраст: «Все неповинные забавы, игрушки и маленькие увеселения должно им со всем позволить и без всякого изъятия, пока они могут в них вдаться, не теряя почтения к тем, кои при них находятся <...> И для того-то веселый дух, который сама натура премудро в них вложила, смотря по их возрасту и сложению, но только не должно теснить и удерживать, но надлежит еще возбуждать, чтобы через то содержать его в движении и тело их учинить сильнее и здоровее».¹¹ Едва ли не под влиянием его теории Порошин, осознавая важность детства во всех его проявлениях для формирования человеческой личности, описывал с сентября 1764-го по январь 1766 года занятия великого князя, его

⁵ Семена Порошина Записки, служащие к истории Его императорского высочества ... великого князя Павла Петровича. 2-е изд., испр. и значительно дополненное по рукописям. СПб., 1881. Стлб. 308.

⁶ Семена Порошина Записки. Стлб. 6.

⁷ Николаев С. И. Кантемир Антиох Дмитриевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. К—П. С. 19.

⁸ Локк Дж. О воспитании детей господина Локка. Переведено с французского на российский язык имп. Московского университета профессором Николаем Поповским. [Ч. 1–2]. [М.]: Печ. при тип. Моск. ун-та, 1759. Ч. 1. С. 2–3.

⁹ Левин Ю. Д. Начало 1760 — середина 1780-х годов: Просветительство // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995. Т. 1. Проза / Отв. ред. Ю. Д. Левин. С. 170–171.

¹⁰ Локк Дж. О воспитании детей. Ч. 1. С. 204.

¹¹ Там же. Ч. 1. С. 99–100.

рассуждения, замечания, вопросы и ответы, содержание бесед с ним. «Записки» Порошина, особенно его записи 1764 года, стали первым документальным фактом внимания к внутреннему миру ребенка. Позже, когда о них узнал Н. И. Панин, потребовавший предъявлять дневник ему, записи стали более сухими и лаконичными. «Записки» были напечатаны только в 1844 году, но свидетельствовали об усилении в русском обществе 1760-х годов интереса к педагогике и детской психологии.

Сумароков, знакомый с трудами Локка, высоко ценил отрицание им врожденных понятий и ту важную роль в формировании человека, которую он придавал чувствам: «Все то, что мы ни понимаем, выясняется в разум чувствами <...> Разум ни что иное, как только действия души, в движение чувствами приведенные <...> Все что ни есть неопровергаемое Локково мнение утверждает <...> Врожденного понятия нет». Не существует врожденных понятий и в области нравственности: «Воспитание, наука, хорошие собеседники и прочие полезные наставления приводят нас к беспорочной жизни, а не врожденная истина». ¹² Упомянув Локка в одной из своих эпиграмм, он относит его к числу великих людей:

Не вознесемся мы великими чинами,
Когда сии чины не вознесутся нами.
Великий человек, великий господин,
Кто как ни думает, есть титул не один,
Великий господин, кто чин большой имеет,
Великий человек, кто много разумеет,
Лок не был господин великий в весь свой век,
Ни конь Калигулин великий человек. ¹³

Вопросы обучения и воспитания детей волновали Сумарокова. В комедии «Приданое обманом» (1756, 2-я ред. 1768) он высмеивал преподавание многих предметов в Кадетском корпусе и Академической гимназии на французском и немецком языках, а в одной из статей с возмущением писал о недопустимо равнодушном отношении дворянства к детскому образованию: «Имея достаток и способы обучати детей, и не обучати есть вина непростительна. Не чудно ли это, мы своих детей не учим, а государыня наша и чужих детей обучати старается! Ей потребны разумные подданные, но и нам потребны разумные дети. А о домочадцах наших почти никто из нас и не думает». ¹⁴ Не случайно дети стали персонажами его притчей, причем не только как объекты воспитания. Сумароков старался показать читателям басен внутренний мир ребенка. Некоторые басенные сюжеты были им заимствованы. Но русский сочинитель по-своему раскрывал их выразительные возможности, уточнял и конкретизировал эпизоды или ситуации, в которых изображались дети, преодолевал, насколько это было возможно, схематичность басенных персонажей. В собственных притчах о детях Сумароков откровенно нарушал жанровые требования. Их сюжеты выглядят как короткие зарисовки, небольшие истории реальной жизни с неожиданным финалом, иногда приближаясь к новелле. Этот опыт Сумарокова русскими баснописцами повторен не был.

Один из первых исследователей творчества Сумарокова К. А. Заусцинский считал, что притча Сумарокова «Волк и рабенок» является переводом басни Лафонтена «Le Loup, La Mère et L'Enfant» («Волк, мать и ребенок»). ¹⁵ Ее сюжет восходит к басне Эзопа «Волк и старуха». Голодный волк услышал, как в хижине старуха грозит плачущему ребенку: «Перестань, не то выброшу тебя волку!» Наступил вечер, но старуха все не исполняла обещанного. Не дождавшись, волк ушел со словами: «В этом доме люди

¹² Сумароков А. П. О разумении человеческом по мнению Локка // Трудолюбивая пчела. 1759. Май. С. 260–263.

¹³ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе / Собр. и изд. Н. Новиковым при имп. Московском ун-те: [В 10 ч.]. М., 1781. Ч. 9. С. 125.

¹⁴ Сумароков А. П. Некоторые статьи о добродетели // Там же. Ч. 6. С. 278.

¹⁵ Заусцинский К. А. Басни Сумарокова // Варшавские университетские известия. 1884. № 5. Отд. III. С. 123.

говорят одно, а делают другое». ¹⁶ У Лафонтена действие басни происходит возле большой уединенной мызы, здесь волк караулит возможную добычу. Он видит овец, ягнят, поросят и индюшек, но они недосыгаемы для него. Вдруг за стеной он слышит детский крик и голос матери, которая грозит отдать дитя волку, если он сейчас же не замолчит. Голодный волк ждет, но мать спешит утешить малыша, уверяя его: если волк покажется, его убьют. Волк возмущен обманом и решает расправиться с ребенком, когда тот пойдет собирать орехи. Обнаруженный людьми, он признается, что ждал, когда мать отдаст ему дитя. Люди кольями и вилами убивают волка, а у дверей вешают его голову и надпись с поучением: «Не придавай значение угрозе матерей». ¹⁷

У короткой притчи Сумарокова больше сходства с оригиналом, чем с басней его перелagателя Лафонтена, хотя вслед за ним он включает в речь матери угрозы волку, которых нет у Эзопа, но есть в ранних русских переложениях Гозвинского и Кашинского. Сумароков сразу обозначает завязку сюжета: волк был голоден и «нигде не мог сыскать пищи». Высказав свое равнодушное отношение к этому обстоятельству и судьбе волка, даже если его «дубины в две ударят» или «изжарят» (отсылка к басне Лафонтена), он конкретизирует место действия: крестьянский дом. Персонажем басни становится мать — крестьянка, поэтому ее слова выдержаны в сниженной лексике. Волк слышит, что «в избе рабенка сékла» ¹⁸ мать и, Волку выбросив, грозила отдать». Он ждет своего часа. Но когда шум в избе умолк,

Рабенка мать не утешает,
Да утешает,
И говорит ему: «Когда придет лишь Волк,
Так мы ему поправим рожу,
И, чтоб он нас забыл, сдерем с него мы кожу».

Волк уходит, размышляя:

И ожидать тут доброго напрасно,
Где мнение людей с речами не согласно. ¹⁹

В восприятии русского читателя притча Сумарокова оказалась в поле слияния двух древних жанров: басни и фольклорной колыбельной песни, в которой сохранились отзвуки народных воззрений, восходивших к дописьменной истории человечества. Они выполняли магическую, охранную функцию. Очевидно, что в басне Сумарокова, как и в колыбельной песне, речь идет о младенце, которого укладывают спать, хотя эта важная деталь осталась за рамками сюжета. Соединение мотивов пугания-предупреждения, упоминания волка и исходящей от него опасности содержит одна из самых известных русских колыбельных песен, дошедшая до нас в многочисленных вариантах, — песня о Волчке:

А баю, баю, баю,
Не ложися на краю:
Придет серенький Волчок,
Тебя схватит за бочок
И утащит во лесок
Под ракитовый кусток. ²⁰

¹⁶ Античная басня / Пер. с греч. и лат. М. Гаспарова; сост., предисловие и комм. М. Гаспарова. М., 1991. С. 129.

¹⁷ Fables de la Fontaine deux cent soixante-huit illustrations de J.-B. Oudry. Paris, [s. a.]. P. 180–181.

¹⁸ Сékла — хлестала, била (Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб.; М., 1882. Т. 4. Р–V. С. 392).

¹⁹ Трудолюбивая пчела. 1759. Май. С. 308–309.

²⁰ Мудрость народная: Жизнь человека в русском фольклоре. [Сб.]: В 10 вып. М., 1991. Вып. 1. Младенчество. Детство / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. В. П. Аникина; под ред. В. П. Аникина. С. 70.

В колыбельных песнях «ребенка, утомившего криком и беспокойством, в раздражении обещают поколотить, пугают старичком, хворостиной, волком и таинственной букой <...>, но чаще уговаривают обещанием пряника, калачей, обновы. Такие нехитрые приемы имеют целью овладеть вниманием ребенка, успокоить его».²¹ Колыбельная песня решала и другие воспитательные задачи: «Мотив пугания-предупреждения, мотив изгнания вредителя также кроме «усыпительной», эпистемологической функций имеют и охранительный контекст. <...> Изгнание чужого, опасного <...> может даже завершаться его ритуальным умерщвлением, и мы встречаем такой пример и в колыбельной песне: „Мы бабайчика убьем, / Ване шубоньку сошьем“».²² Слова матери выполняют контактную связь с ребенком, учат его преодолению страха. Уменьшительно-ласкательные суффиксы в словах колыбельной песни: *волчок, бочок, лесок, кусток* — снимают психологическое напряжение текста, что подтверждается и упоминанием ракитового (ивового) куста, дерева-оберега в языческой Руси. Мир мыслей и чувств матери, ухаживающей за ребенком, не могут быть понятны волку, а его хищные устремления в басне заведомо неосуществимы. У колыбельной песни как жанра схожая с басней судьба. Генетически связанная с мифологией, уже в последней трети XVIII века она вышла за рамки фольклора и в 1820–1840-х годах стала в России популярным жанром литературы.

Теме воспитания, столь важной для сочинений в жанре басни, посвящена притча Сумарокова «По трудах на покой». Сюжет, заимствованный из басни Летранжа «Детина с матерью», восходит к басне Эзопа «Мальчик-вор и его мать» с моралью: «Если не наказать вину в самом начале, она становится все больше и больше».²³ Сумароков дал притче название, варьирующее русские поговорки «По делам и покой», «По делам вору и мука». У Эзопа мальчик начинает с кражи дощечки у товарища, у Летранжа — с кражи азбуки, у Сумарокова — с кражи чепцов и шапок. В финале басни Эзопа сын, уличенный в воровстве и приговоренный к казни, откусил у матери кусок уха и обвинил ее в попустительстве. В басне Летранжа сына приговорили к виселице, и он прилюдно обвиняет мать: «Ежели бы она в те поры меня в две плети выпорола, как я к ней в ребячестве моем первой раз книгу укравши принес, то бы мне на виселице не бывать».²⁴ У Летранжа и в лубочной картинке «Зачем мать сына худо учила», воспроизводящей текст басни, появилась уточняющая подробность, указывающая на отношение матери к первой краже сына: «...она, не наказавши, погладила его по головке, и чрез то его к большому воровству впредь ободрила».²⁵ Сумароков опускает эту деталь, но излагает басню эмоционально, высказывая свое отношение к неразумному поведению любящей матери:

О всем известна мать,
Однако мать
Не хочет мальчика замать,
А я б велел ему все ребры изломать.²⁶

Такое отношение к преступным поступкам ребенка, опиравшееся на старую русскую педагогическую традицию, не противоречило и взглядам Дж. Локка. Он не одобрял физические наказания детей, но все же считал, что иногда их следует применять, хотя и очень редко, только по серьезным основаниям и лишь в крайних случаях: «...бить детей есть самое худое средство к исправлению их, следовательно, самое уже послед-

²¹ Аникин В. П. Начало всех начал // Там же. С. 7.

²² Головин В. В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Або, 2000. С. 67–68.

²³ Античная басня. С. 141.

²⁴ Эзоповы басни с правоучением и примечаниями Рожера Летранжа, вновь изданные, а на российской язык переведены в Санкт-Петербурге канцелярии Академии наук секретарем Сергеем Волчковым. СПб., 1747. С. 305.

²⁵ Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 1. Сказки и забавные листы. С. 260–262.

²⁶ Притчи Александра Сумарокова. СПб., 1769. Кн. 3. С. 23–24.

нее, которое употреблять можно, и только в отчаянном случае, когда все прочие кротчайшие меры, кои можно вздумать, истощены будут без всякой пользы <...> До сей крайности по большей части не что иное доводит, как печальные следствия потачки, которую сперва имели к детям, и небрежение о исправлении их пороков».²⁷

В притче Сумарокова под названием «Яйцо» на сюжет басни Лафонтена «Les Femmes et le Secret» («Женщины и секрет») описание детских зимних игр становится художественным приемом — развернутой метафорой. В басне Лафонтена муж решил проверить, не болтлива ли его жена, и сообщил ей, что снес яйцо.²⁸ У Сумарокова муж пошутил, сказав, что его околдовали, и попросил сохранить появление яйца в тайне: «Не молви этого с соседкой, / Ты знаешь, назовут меня еще наседкой». Однако «ложь ходит завсегда с прибавкой в мире» и слухи разнеслись по всей деревне. Сумароков начинает притчу обширным вступлением, в котором формулирует мораль:

Когда снега не тают,
Рабята из него шары катают,
Сертят
И шар вертят,
Шар больше становится,
Шарочек их шарищем появятся.
Да кто ж
На шар похож?
Ложь:
Что больше бродит,
То больше в цену входит:
Снежной шарика будет шар,
А изо лжи товаришка товар.²⁹

В высшей степени одобрительно отозвался об этом сравнении А. С. Шишков «В стихах сих, выключая глагол *сертят*, слишком простонародного, означающего *стоять нагнувшись*, все остальное весьма хорошо. Уподобление возрастания лжи с возрастанием снежного шара есть самое лучшее, какое придумать можно, и притом настоящее русское, напоминающее нам о зимних забавах ребятишек в такое время, когда от теплоты погоды снег делается липким. Некоторые красоты собственно языку нашему свойственны: *шарочек становится шарищем*, не скажешь ни на каком языке, не имеющем умалительных и увеличительных имен <...> Глагол *бродит* весьма хорошо изображает здесь скитание лжи из дома в дом, из уст в уста <...> Конец русской притчи таков, что стих стиха лучше, и последний из них сильнее всех: „Ложь ходит завсегда с прибавкой в мире“ <...> Какая вместе и смешная и огромная картина! Это Гогартов вымысел, изображенный кистию Рафаэля».³⁰

Трудно узнать в притче Сумарокова «Одноколка» легенду о Фазтоне, рассказанную Овидием в «Метаморфозах», или краткое его изложение в одной из проповедей Симеона Полоцкого.³¹ Увидев в желании юного Фазтона управлять крылатой солнечной колесницей своего отца Гелиоса лишь пагубное самодовольство, Симеон Полоцкий заканчивает свое переложение этого сюжета христианским назиданием: «Баснь се есть пиитическая, но родителем в наставлении полезна: да не всякому чад прошению соизволение творят...».³² Перевод этой легенды Овидия с латинского языка, выполненный студентом Академического университета В. И. Крамаренковым, был помещен

²⁷ Локк Дж. О воспитании детей. Ч. 1. С. 169, 171.

²⁸ Fables de la Fontaine deux cent soixante-huit illustrations de J.-B. Oudry. P. 352–354.

²⁹ Притчи Александра Сумарокова. СПб., 1762. Кн. 1. С. 19–20.

³⁰ Шишков А. С. Собр. соч. и переводов. СПб., 1828. Ч. 12. С. 137–140.

³¹ Тарковский Р. Б. Старшие русские переводы как сюжетные источники притч А. П. Сумарокова // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1971. Т. 26. Древнерусская литература и русская культура XVIII–XX вв. С. 91.

³² Симеон Полоцкий. Обед душевный. М., 1681. С. 542–542 об.

в мартовском номере «Трудолюбивой пчелы».³³ Сумароков перелагает известный сюжет как трагическое происшествие, случившееся с мальчиком старше семи лет. В этом возрасте по русской традиции кончалось младенчество и ребенку впервые доверяли управлять конем.³⁴ Отдавая дань жанру, Сумароков начинает с морали: «Отцы, сей притчи вы не забывайте, / Ребятам воли не давайте». Сумароков рисует избалованного дворянского мальчика, любящего резвиться, не знающего ни гнева родителей, ни наказаний:

Мальчишка был изнежен,
Резвиться был прилежен,
Не знает он аза
В глаза,
И что гроза,
И что лоза,
И что слова, которые детям колки...

Картина беспорядочной скачки ребенка в отцовской одноколке изобилует подробностями сельского быта:

Едва конем мальчишка правит,
Свиной, собак и кошек давит,
Мяученье, лай, визг во всей деревне той,
Во всей деревне шум.
Кричат ему: «Постой, направо, влево, прямо!»

В описании переживаний ребенка, оказавшегося в критической ситуации, звучит голос автора, полный сочувствия. Оно отчетливо проявляется в употреблении местоимения «мой» и уменьшительно-ласкательных характеристиках мальчика: «дитя», «дитятя»:

Мальчишка плачет,
Мальчишка мой дрожит,
Дитя мое визжит,
В дитяти сердце ноет,
Мальчишка воет
И вожжи, не учив он кучерских наук,
Пустил из рук <...>
Мальчишка мой, стена,
Не держит уж коня...

И лишь строка в заключительных стихах, похожая на метафору: «Летит мое дитя с небес»³⁵ — отсылает читателя к рассказу Овидия. Трагизм этого стихотворения, его эмоциональная напряженность отчетливо ощущается в сравнении с рассказом А. Т. Болотова о том, как в детстве в такой же ситуации он едва не лишился жизни. В соответствии с жанром мемуаров Болотов больше излагает ход событий, чем собственные переживания.³⁶

В притче Сумарокова «Учитель и ученик» на сюжет Лафонтена «L'Enfant et le Maître d'Ecole» («Ребенок и учитель»),³⁷ восходящий к басне Эзопа «Купающийся мальчик»,³⁸ Сумароков также описывает поведение ребенка в опасной ситуации, сопе-

³³ Баснь о Фаэтоне из Овидиевых превращений // Трудолюбивая пчела. 1759. Март. С. 131–154.

³⁴ Шляпкин И. А. Возрасты человеческой жизни (Из истории человеческих понятий): Речь, произнесенная на акте имп. Археологического ин-та 25 мая 1907 года]. СПб., 1909. С. 14.

³⁵ Притчи Александра Сумарокова. СПб., 1762. Кн. 2. С. 14–16.

³⁶ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб., 2021. 1738–1757: В 2 кн. Кн. 1. Текст / Подг. текста А. Ю. Веселовой, А. Л. Толмачева. С. 57–58.

³⁷ Fables de la Fontain deux cent soixante-huit illustrations de J.-B. Oudry. P. 44.

³⁸ Античная басня. С. 144.

реживая ему. Лафонтен рассказывает, что Учитель, «престрогий человек и славный сочинитель», увидел ребенка, который, резвясь на берегу пруда, упал в воду, но уцепился за ветку ивы. Учитель произносит длинную гневную речь, сочувствуя родителям и одноклассникам шаловливого ученика. Возмущение его столь велико, что он высказывает желание высечь мальчика, но боязливый и слабый ребенок тем временем тонет. Сумароков начинает басню наставлением: «Во время крайности к словам не прилипай, / Да к действию ступай». Учитель у него — «учащихся мучитель», который «не любил <...> ребячьих голосов и резвость ненавидел». Автор не столько излагает сюжет басни, сколько описывает трагическое происшествие глазами свидетеля. Бесполезный ребенок, упавший в колодезь,

уж до пояса купался.
На смертном он одре без немощи лежит,
Свиненком он визжит,
Терзаясь ужасом и лютою тоскою,
За ветви дерева держась рукою...

Тем временем Учитель «журил ученика»:

«Тебя потребно сечь».
И стал ему вещать ученийшую речь.
Рабенок молит. —
«Вот теперь меня ты молишь» —
А тот кричит еще, в колодезе стена:
«Пожалуй, прежде вынь меня
И после говори,
Что ты тогда изволишь».³⁹

Мораль басни, сформулированная дважды: в зачине сюжета автором, а в финале ребенком, отчаянно борющимся за свою жизнь, — обращена не к ученику, а к учителю.

Перелагая короткую басню Федра «*Pastor et Carella*» («Пастух и коза»), Сумароков заменил одного из персонажей и финальную реплику, тем самым придав больше правдоподобия сюжету и усилив комический эффект. У Федра пастух, дубинкой обломивший рог козы, просит не выдавать его хозяину. Коза ответила: «Смолчу, хотя проступок твой и мерзостен, / Но сами вопиют его последствия».⁴⁰ В басне Сумарокова «Пастуший сын и коза» ребенок, боясь гнева отца — пастуха и наказания за тот же проступок наивно просит Козу:

«Не сказывай, дружок,
Что сломлен у тебя рожочек».
Ответствует Коза:
«Дружок, у пастуха еще во лбу глаза».⁴¹

В притчах о детях на собственные сюжеты Сумароков рисует сцены реальной жизни с ее конфликтами и этическими проблемами, что сказалось на стилистике текстов. Они содержат широкий спектр авторских интонаций. Эти басни тяготеют к небольшому рассказу или новелле и лишены сформулированного назидания, в роли которого иногда выступает остроумная концовка. При краткости, заданной жанром, они в своей совокупности составляют некую фрагментарную картину семейных отношений.

Два мальчика, персонажи басни «Война за бабки», предавались занятию, которое заключалось в ловкости бросания «бабок», в качестве которых использовались кости

³⁹ Притчи Александра Сумарокова. Кн. 1. С. 43–44.

⁴⁰ Античная басня. С. 326.

⁴¹ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. Ч. 7. С. 249 («Притчи», кн. 5).

животных, чаще таранная кость надкопытного сустава коровы. Этой игрой забавлялись и крестьянские, и дворянские дети. Играющие выставляли бабки «на кон» и сбивали их с определенного расстояния такой же костью, но утяжеленной гвоздем или свинцом. Дети поссорились и подрались. Их отцы, вместо того чтобы

ребятков пожурили
Или с отеческой грозой
Посέкли их лозой,

стали думать и действовать иначе:

Вот то дитя мое,
А то твое
И, следственно, мое мне мило
Твое постыло.

Читатель оказывается свидетелем сцены, в которой жизнь и здоровье ребенка обесценены в угоду отцовскому самоутверждению и ложному пониманию родительской любви:

Один взял мальчика чужого,
Другой другого.
Тот выдрал пук волос и «подписал указ»,
Крича: «Не трогай нас».
Другой, не говоря ни слова,
У мальчика вон вышиб глаз.
За гривы и отцы друг у друга берутся <...>
Соседы их мирят.
Но что за мир: одно дитя хохол поправит,
А глаза в лоб никто другому не поставит!⁴²

О трагикомическом разрешении конфликта отца с детьми говорится в басне «Чурбаны». В семье нет покоя: старый отец не может поладить с сыновьями, выпешшими из повиновения:

Два сына у отца, и оба не в него <...>
Отец детьми не может овладети.
Родитель туп и остры дети.

Не желая смириться с этой ситуацией, отец создает для себя иллюзию семейного мира:

Старик велел себе подать чурбáнов
И вырезал болванов.
Родились детушки. Он вопит: «Как хочу,
Своих я детушек теперь поворочу.
От молчаливости они немножко скушны,
Однако завсегда родителю послушны».⁴³

Притча Сумарокова «Мальчишка и часы» могла бы служить иллюстрацией к выводам педагогической психологии, получившей развитие лишь в начале XX века. По наблюдениям Л. С. Выготского все, что трехлетний ребенок видит, он оживляет, одушевляет, делает предметом своих фантазий. При этом каждая вещь «заряжена для ребенка <...> притягивающей или отталкивающей силой <...> Всякой вещи присущ

⁴² Притчи Александра Сумарокова. Кн. 3. С. 17–18.

⁴³ Там же. С. 48–49.

какой-то аффект, настолько побудительный, что он приобретает для ребенка характер „принудительного“ аффекта».⁴⁴

Услышал мальчик то, трех лет,
Что нечто во стенных часах стучит и бьет;
Мальчишка ни часов и ни минут не числит,
И о часах по-свойски мыслит.
И кажется ему тогда,
Залезла мышь туда.
Он мыши угрожает,
А именно часы он палкой поражает.
Мальчишка мыши не убил,
Лишь только он часы во дребезги разбил.⁴⁵

Полноправными и активными персонажами стали дети в притче «Рабята и Рак». Свое жанровое определение эта короткая сценка оправдывает только тем, что автор воспроизводит в ней мысли Рака. Авторская позиция не формулируется, она едва намечена в уменьшительно-ласкательном слове «рабятки». События словно совершаются на глазах автора, он пересказывает их, включая в свой свободный стих эмоциональные реплики персонажей:

Рабятки у реки играли,
Не дожидаясь ни ссор, ни драк,
Ан выполз Рак.

Оказавшись в руках детей и не желая терпеть их грубость: «Мне стыдно от рабят ругательство терпеть», Рак «давул» палец одного из мальчиков.

Кричат рабятки все: «Бездушник он и плут!»
И сделали они над Раком суд.
«Не станешь, — говорят, — напредки куролесить».
Хотят его повесить,
«Да нет веревки тут» — так суетна та речь, —
«Ин голову отсечь».
Хваля такой предлог, рабятки величали
И все они кричали:
«Ура, ура!
Пора, пора!»
Да нет и ножика, не только топора.
Пораненный кричит, ему то всех важнее,
Отмщение ему гораздо всех нужнее:
«Я сам злодею казнь, рабята, изреку:
Возьмем и бросим мы бездельника в реку».
Они сей вымысел и больше величали,
И более еще и прежнего кричали:
«Ура, ура!
Пора, пора!»
Не будет от него напредки больше страху,
Не будет более его на свете праху!
Пришла достойная разбойнику кара», —
И бросили его в реку они с размаху.⁴⁶

⁴⁴ Выготский Л. С. Детская психология / Под ред., [с послесловием и комм.] Д. Б. Элькина // Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1984. Т. 4. С. 341–343.

⁴⁵ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. Ч. 7. С. 249–250 («Притчи», кн. 5).

⁴⁶ Там же. С. 206–207 («Притчи», кн. 4).

Уникальность этого стихотворения заключается в воспроизведении звуковой структуры детского языка, его диалогичности, особой ритмической организации с повтором отдельных лексем. Сумароков изображает эмоции детей, их испуг, замешательство при поиске выхода из возникшей ситуации и наивное финальное решение. Такое соединение лирического «я» автора и лирического «я» ребенка, передающее детское возбуждение и детский строй мыслей, редкое явление в поэтической стилистике XVIII века. Оно появляется позже, в 1780-е годы в стихотворениях А. С. Шишкова «Песенка на купанье»⁴⁷ и «Николашина похвала зимним утехам».⁴⁸ Последнее было включено им в перевод двухтомника «Детская библиотека»,⁴⁹ в который вошли нравоучительные сочинения о детях, предназначенные для детского чтения. Их авторами были Арно Беркен (Arnaud Berquin, 1749–1791) и И. Г. Кампе (Joachim Heinrich Campe, 1746–1818).

Сделав детей персонажами притчей, Сумароков привлек внимание читателей к проблемам воспитания и внутреннему миру ребенка. Нарушая строгие жанровые рамки притчей, он рассказал о детских играх, слабостях, страхах, переживаниях, о детской неосознанной вере в собственное бессмертие, толкающей их на отчаянные и гибельные поступки, об их стремлении к самоутверждению и попытках в критической ситуации постоять за себя, их наивности. Эти рассказы наполнены авторским присутствием и авторским сочувствием. Притчи Сумарокова о детях предвосхищали появление многочисленной детской литературы, пришедшей в Россию сначала с переводами Шишкова.

Притчи «Рабята и Рак», «Пастуший сын и коза», «Мальчишка и часы» были написаны Сумароковым в 1770-е годы и подготовлены им к печати, но увидели свет уже после его смерти. А в 1774 году он осуществил замысел, связанный с детским образованием. В типографии Академии наук тиражом 400 экземпляров была издана небольшая по формату и объему книжка Сумарокова под названием «Наставление младенцам. Мораль, история и география». С ее помощью Сумароков хотел в игровой форме приобщить детей к изучению основных сведений по истории, географии и морали, которые, по его мнению, были взаимосвязаны.⁵⁰ В статье «К добру или худу человек рождается?» Сумароков писал: «Мораль без политики бесполезна, политика без морали бессловесна <...> Мораль и политика делают нас, по размеру просвещения разума и очищения сердца, полезными общему благу. А без того бы человеки давно уже друг друга без остатка истребили».⁵¹ Руководство к этому изданию, каким предварялась «Любовная гадательная книжка» Сумарокова, по-видимому, существовало, но не сохранилось.

Прошло около десяти лет, и «детская» тема продолжила свое развитие в русской литературе. В двадцати номерах журнала Н. И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789) были напечатаны переводы сочинений западноевропейских авторов, предназначенные для детей и рассказывающие о детях, а также стихотворения Н. М. Карамзина, его сентиментальная повесть о любви молодых людей «Евгений и Юлия», драма Н. Н. Сандунова «Добрые дети». Карамзину также принадлежит первая русская повесть «Рыцарь нашего времени» (1802–1803) о судьбе мальчика из дворянской семьи и о тех нежных возвышенных чувствах, которые ему довелось испытать.

⁴⁷ Шишков А. С. Собр. соч. и переводов. Ч. 1. С. 14–16.

⁴⁸ Об этом стихотворении подробно см.: Головин В. В., Николаев О. И. Г. Кампе «Winterlied» — А. С. Шишков. «Николашина похвала зимним утехам» // Детские чтения. 2017. № 2. С. 346–381.

⁴⁹ Детская библиотека, изданная на немецком языке г. Кампе, а с оного переведена г. *** [А. С. Шишковым]. СПб., 1785. Т. 2. С. 14–16.

⁵⁰ Подробнее об этом издании см.: Дёмин А. О. «Наставление младенцам» А. П. Сумарокова: порядок чтения // Commentarii literarum. Ad honorem viri doctissimi Valentini Colovin / Отв. ред. М. Л. Лурье. СПб., 2020. С. 183–192.

⁵¹ Сумароков А. П. К добру или худу человек рождается? // Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. Ч. 10. С. 133.